

ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

Гилберт Кит Честертон

Чарльз Диккенс

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1

ББК 84-4

Ч-51

Перевод с английского Наталии Трауберг

Честертон, Г. К.

Ч-51 Чарльз Диккенс / Г. К. Честертон; [пер. с англ. Н. Трауберг]. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ. – 226 с. – (Исторические хроники).

ISBN 978-5-519-66200-0

Честертон Гиберт Кит (1874–1936) – классик английской литературы, чьи детективные романы приобрели широкую мировую известность. В нашей стране он известен, прежде всего, как автор детективных историй о патере Брауне. Вашему вниманию предлагается эссе, посвящённое знаменитому английскому писателю Чарльзу Диккенсу, являющемуся для Честертона нравственно-идеологическим эталоном. Автор открывает читателю тайну таланта Диккенса. Начиная с рассказа о его детстве, Честертон показывает особенности мышления писателя, его стремление к совершенствованию. Романы Диккенса не анализируются как отдельные произведения искусства – его творчество предстаёт как единый уютный мир, более реальный, чем повседневная окружающая действительность. Не изобилуя большим фактическим материалом, книга позволит окунуться в эпоху того времени и проникнуться любовью к туманам Лондона.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1

ББК 84-4

BIC FC

BISAC FIC014000

© Т8 RUGRAM, 2018

© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2018

ISBN 978-5-519-66200-0

© Перевод. Н. Л. Трауберг, наследники, 2018

ГЛАВА I

ДИККЕНС И ЕГО ЭПОХА

Многие наши затруднения — и в религии, и в других сферах — возникают потому, что мы путаем слова «неясный» и «неопределимый». Когда тот или иной духовный факт называют неопределимым, нам сразу же представляется что-то туманное, расплывчатое, вроде облака. Но мы грешим здесь даже против здравого смысла. То, что нельзя определить, — первоначально, первично. Наши руки и ноги, наши плоски и ложки — вот что неопределимо. Неопределимо неоспоримое. Наш сосед неопределим, потому что он слишком реален. Для некоторых духовные факты столь же грозно и ощутимо близки, и бог для них — неопределим, потому что слишком реален.

Но есть еще одна разновидность неопределимого. Существуют выражения, которые все употребляют и никто не может объяснить. Мудрый примет их почти-тельно, как примет он страсть или мрак. Придиры и спорщики потребуют, чтобы он выразил свою мысль яснее, но, будучи мудрым, он откажется наотрез. Первое, необъяснимое выражение и есть самое важное. Его

не определишь, значит, и не заменишь. Если кто-нибудь то и дело говорит «вульгарно» или «здорово», не думайте, что слово это бессмысленно, если он не может объяснить его смысла. Если бы он мог объяснить его другими словами, он бы их употребил. Когда Боевой Петух, тонкий мыслитель, твердил Тутсу: «Это низость! Это просто низость!», он выражался как нельзя более мудро. Что еще мог он сказать? Нет слова для низости, кроме слова «низость». Надо опуститься очень низко, чтобы ее определить. Именно потому, что слово неопределимо, оно и есть единственно нужное.

В журналах и в разговорах мелькают стертые, но не пустые фразы: «Почему перевелись великие люди? Почему у нас нет Теккерея, Карлейля или Диккенса?» Фразы эти примелькались, они кажутся спорными, но не надо от них отмахиваться. Слово «великий» что-то значит, судя хотя бы по тому, как инстинктивно и решительно мы применяем его к одним, а не к другим. Особенно же решительно мы применяем его к четырем-пяти викторианцам, и прежде всего — к Диккенсу. Это слово что-то означает. Диккенс был тем, что оно означает». Даже несчастные и невеселые люди, которые не могут читать его без раздражения, употребят это слово, не задумываясь. Они чувствуют, что Диккенс — великий писатель, даже если он плохо писал. Он признан классиком — королем, которого можно предать, но свергнуть уже нельзя. Все связанное со словом «величие» связано с ним и, как ни странно, не вяжется ни с кем из нашего поколения. «Великий» — первый эпитет, который самый строгий наш критик применяет к

Диккенсу, и последний из эпитетов, которые этот же критик применяет к себе. Мы не смеем приравнять себя к великим, даже если почитаем себя выше их.

Так есть ли смысл в идее «величия» или в наших селованиях на отсутствие его в наше время? Ведь многие говорят, что это знакомое чувство — только мираж, созданный далью, и умершее всегда кажется великим, а ныне живущее — мелким. Многие думают, что в мире духовном законы перспективы — иные и люди становятся больше, отдаляясь от нас. Однако теорию эту опровергают факты. Мы лишены великих совсем не потому, что не желаем их искать; мы ищем их день и ночь. Мы — не из тех, кто избивает пророков, предоставляя потомству строить им гробницы. Если миру удастся породить настоящего пророка — твердого, всеведующего, — мы с превеликим удовольствием соорудим ему гробницу, а может, по нашей прыти, и похороним его заживо. Кроме того, нельзя сказать, что великих викторианцев не славили при жизни. Многие признали их великими сразу. Именно такую хвалу воздали Шарлотта Бронте — Теккерею, Рескин — Карлейлю. Одна литературная школа причислила Диккенса к великим с первых же дней его славы; к этой школе, конечно, принадлежал и сам Диккенс.

На вопрос «Почему нет великих людей?» существует много ответов. Реклама, курение, упадок веры, упадок земледелия, излишек гуманности, недостаток гуманности, необразованность, образование — вот некоторые из них. Предложу ответ и я, совсем не потому, что считаю его верным, просто так я короче всего расскажу о глубокой и пагубной разнице между нашей эпохой и началом

прошлого века, когда еще не исчезла тень Революции и родился Диккенс.

Джордж Гиссинг¹ — умнейший из знатоков Диккенса и талантливый человек — замечает, что Диккенс вырос в жестоком и мрачном мире. Он говорит о грубой пище, драках и похабных шутках и называет этот мир жестоким и мрачным. До чего же по-разному можно смотреть на вещи! Для меня этот старый английский мир куда менее жесток и мрачен, чем тот, который описывает Гиссинг в своих романах. Грубость нравов — относительно, с нею легко примириться. Пусть грубеют руки, даже ум, только бы не сердце, как грубеет оно, когда мы входим в мир Гиссинга. Разница между началом и концом XIX века элементарна и огромна. Начало века было полно всякого зла — и надежды. В конце его, *fin de siècle*², было много хорошего; но люди только и спорили о том, какая от хорошего польза. Сама радость стала безрадостной; в битвах Коббета больше веселья, чем в усадях Уолтера Пэйтера³. У современников Коб-

¹ Джордж Гиссинг (1857–1903) – английский писатель, представитель натурализма; в своей монографии «Чарльз Диккенс» (1898) обвиняет Диккенса в пристрастии к романтическим эффектам и преувеличениям, причем критерием правдивости для Гиссинга оказывается поверхностное жизненное подобие. Гиссинг подвергает сомнению и демократизм Диккенса, считая его сторонником классового неравенства.

² Конец века (франц.).

³ ...в битвах Коббета больше веселья, чем в усадях Уолтера Пэйтера – Честертон противопоставляет проникнутые социальным критицизмом сочинения английского историка и публициста У. Коббета (1762–1835) и далекие от социальной злободневности, проникнутые идеями эстетизма

бета хватало сил и на грубость, и на терпение; хватало у них сил и на то, чтобы изменять мир. «Жестокий и мрачный» век был, в сущности, веком реформ. В небе чернел силуэт эшафота, но за ним занималась заря.

Заря, на фоне которой так четко выделялись эшафот и все прежние злодеяния, была зарей либерализма, зарей Французской революции. Взгляд на мир был радостен и ясен, а только таким взглядом и увидишь зло. Оптимист преобразует мир больше, чем пессимист; тот, кто считает, что жизнь хороша, может изменить ее к лучшему. Это кажется парадоксом, но причина тут проста. Пессимиста зло приводит в ярость, оптимиста — удивляет. Реформатору необходим простодушный дар удивления. Он должен удивлять, пламенно и просто. Для него мало признать несправедливость мерзкой — ее надо признать нелепой, ненормальной, достойной смеха, а не слез. Пессимисты же конца века вряд ли могли ругать зло — они не видели его на непроглядном темном фоне. Зла не было, потому что все было злом. В тюрьме было гнусно, как и всюду. Костры страшили, как и звезды. Вновь и вновь сталкиваемся мы с этим парадоксом самодовольного недовольства. Доктор Джонсон⁴ смотрит на людей сквозь черные очки, но остается консерватором. Руссо глядит на людей сквозь розовые очки, но готовит революцию. Сердитый Свифт был тори. Счастливый Шелли — мятежник. Оптимист

очерки английского писателя Уолтера Пэйтера (Патера, 1839–1894).

⁴ Доктор Джонсон – Сэмюел Джонсон (1709–1784), писатель, критик и лексикограф, один из крупнейших представителей английского Просвещения.

Диккенс высмеивает тюрьму Флит, и она исчезает⁵. Пессимист Гиссинг высмеивает предместье и предместье живо до сих пор.

Потому-то и ошибался Гиссинг, когда говорил о ранней поре Диккенсовой жизни, называя ее жестокой и мрачной: он забыл, что ее оведал дух надежды и веры в человека. Она кишела не только бесчеловечными учреждениями, но и добрыми людьми. А доброта эта, на мой взгляд, хороша именно тем, что проявлялась бурно и буйно. Она была свободна от недостатков, связанных со словом «филантропия». Если хотите, она была груба. То была драчливая, яростная, хмельная филантропия — но что же может быть лучше? Во всяком случае, дух тех времен был духом революции, а главной мыслью — мыслью о равенстве. Я не собираюсь защищать идею равенства от напыщенных и наивных нападок нынешних ученых и богачей. Я только скажу об одном из ее практических последствий. Признайте, что все равны — и тут же появятся великие. Я бы сказал: «те, кто выше других», но герой ощущает себя не «особенным», а именно великим. Мы об этом забыли из-за дурацкого поклонения мрачным, исключительным личностям, не ведающим дружбы и не наделенным какой-нибудь нужной другим добродетелью. Люди, возомнившие себя Цезарями, действительно есть. Есть великие, рядом с которыми все ка-

⁵ ...Оптимист Диккенс высмеивает тюрьму Флит, и она исчезает – лондонская долговая тюрьма Флит, описанная Диккенсом в «Пиквикском клубе» (гл. 40–42, 44–45, 47), перестала существовать в 1842 г., чему немало способствовало сатирическое изображение ее в романах Диккенса.